Борьба за кадры

Больше года тому назад июльский пленум ЦК ВКП (б) резко заострил перед партией и перед рабочим классом проблему формирования пролетарских квалифицированных кадров вообще и инженерно-технических кадров в частности и особенности. Непосредственным толчком к постановке этой проблемы на пленуме ЦК ВКП (б) было, как известно, Шахтинское дело, т.-е. первое крупное проявление контрреволюционного вредительства в известной части высших слоев технической интеллигенции.

Со времени этого пленума прошло немногим больше года. Однако, социалистическое строительство в нашей стране идет таким бурным темпом, развивается с таким громадным размахом и напряжением, что годичный срок кажется длинным периодом, отмеченным крупнейшими политическими и народнохозяйственными явлениями. Утверждение пятилетнего народнохозяйственного плана, развертывание в нем гигантских и увлекательных перспектив экономического и культурного строительства, превышение в реальном ходе жизни самых смелых ставок пятилетки,— все это с новой силой заостряет проблему инженерно-технических кадров, придает ей исключительно актуальный и ответственный характер.

Но мало этого. За последний год вскрыты контрреволюционные вредительские организации в рядах технической интеллигенции значительно более широкого масштаба, чем Шахтинское дело. Важнейшие звенья тяжелой индустрии, транспорт и даже военная промышленность были захвачены работой этих отъявленных классовых врагов, прикрывавшихся высоким званием инженеров, научных специалистов и т. п. Это придает проблеме инженерно-технических кадров характер актуальной политической проблемы дня. Не только расширение фронта хозяйственного строительства диктует нам обостренное внимание к проблеме технических кадров. К этому обязывает обостряющаяся классовая борьба в стране, обостряющееся сопротивление капиталистических сил великому делу социалистического строительства. Борьба за кадры становится центральной проблемой политической жизни и хозяйственного строительства СССР.

Своеобразие и трудности культурных задач пролетарской революции

Ленин неоднократно возвращался в своих работах к раз'яснению того громадного принципиального отличия, какое существует между пролетарской революцией, с одной стороны, и всеми видами и формациями буржуазных революций, с другой. „Одно из основных различий, говорит Ленин, между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, всегда вырастающей из феодализма, новые экономические организации постепенно создаются в недрах старого строя, путем развития, хотя бы торговых отношений, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача — смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется, ибо она в итоге создает товарное производство и усиливает рост капитализма. Совершенно в ином положении стоит социалистическая революция: чем более отсталой является страна, которой пришлось в силу зигзагов истории начать социальную революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханные трудности, задачи организационные“.

И далее Ленин продолжает: „отличие социальной революции от буржуазной состоит именно в том, что там готовые формы организаций капиталистических, а советская пролетарская революция этих отношений не получает готовыми, если не брать самых развитых форм капитализма, которые в сущности охватили только небольшую верхушку промышленности и совсем мало затронули еще земледелие. Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственно-экономического механизма в единую крупную машину, хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководствовались бы одним планом,— вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи“.

(Ленин т. XV, стр. 124—125).

Это своеобразие и эти гигантские трудности пролетарской социалистической революции с особой силой заостряются на вопросе о командных квалифицированных кадрах в управлении вообще, в организации технико-экономического руководства в частности и особенности. Разбивая буржуазную государственную машину, завоевывая в грозе и буре пролетарской революции государственную власть, приступая к созданию своей государственной организации, принципиально отличной от буржуазной, рабочий класс не имеет своих готовых кадров технической интеллигенции. Самые условия существования пролетариата в капиталистическом обществе делают невозможной наличие пролетарских кадров технической интеллигенции. На другой день после победоносного октябрьского переворота совет-

ский пролетариат оказался перед „гигантской организационной задачей“ „превращения всего государственно-экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководствовались бы одним планом“ (Ленин), не только без своих преданных квалифицированных кадров, но и с активным сопротивлением и саботажем со стороны старой технической интеллигенции. Всем памяты эти страницы из истории октябрьской революции СССР.

В ряду важнейших элементов ленинизма не последнее место занимает вопрос о культурной проблеме в переходный период. Этот вопрос менее других освещен, но от этого он не становится менее драгоценным звеном великого учения Ленина, который много внимания и сил отдавал вопросу о сочетании нарождающейся пролетарской культуры со старой культурой, унаследованной от гибнущего капитализма. Равным образом, в ряду блестящих тактических побед ленинизма видное место занимает постановка и решение вопроса об отношении к буржуазным специалистам. Широкою историческую трактовку всей этой проблемы сам Ленин дал в своей речи на IX с'езде РКП в марте 1920 г.

Безусловно одной из поучительнейших страниц октябрьской революции является то, как Ленин руководил установлением союза науки и труда, постановкой старых кадров интеллигенции на службу социалистическому строительству. Это было в обстановке неслыханно сложной и трудной; так называемое образованное общество, буржуазные ученые и интеллигенция встретили пролетарский переворот сопротивлением, саботажем, и тем во сто крат умножили то исконное недоверие трудящихся к представителям образованного общества, которое выросло из самого существа капиталистического строя и приобрело особо уродливые формы в затхлой атмосфере царизма.

Буржуазная интеллигенция, не довольная ходом социалистического строительства и жаждущая спуска на тормозах к капитализму, еще и до сих пор склонна упрекать пролетариат в недостаточном уважении к науке и к носителям научных знаний. Нечего говорить, что по ту сторону капиталистической границы белая эмиграция и реакционная иностранная пресса продолжают толковать о вражде победоносного пролетариата Советской России к так называемому культурному обществу, представителям научной мысли и т. п.

Все это, разумеется, чистейший вздор. Едва ли где-нибудь в другой стране научная работа получает такую поддержку государства, как в стране Советов. Нужно настойчиво рекомендовать перечитывать статьи и речи Ленина об очередных задачах советской власти весной 1918 г. Так называемые левые коммунисты в тот период усматривали в постановке вопроса о массовом привлечении специалистов к организации производства чуть ли не отступление от принципов диктатуры пролетариата. Ленин настойчиво и упорно, в многочисленных статьях и докладах, развивал мысль о необходимости

учиться у капиталистов, о необходимости привлечения буржуазных специалистов.

„Скрывать от народных масс, говорил он, что привлечение буржуазных специалистов с чрезвычайно высоким заработком есть отступление от принципов коммуны, значило бы опускаться до уровня буржуазных политиков и обманывать массы. Открыто объяснить, как и почему мы сделали шаг назад, затем обсудить гласно, какие средства имеются для того, чтобы наверстать упущенное—это значит заставить массы на опыте вместе с ними учиться строить социализм“...

„Нужно, говорит он далее, привлечь тысячу людей, первоклассных специалистов в своих отраслях, которые ценят свое дело, которые любят крупное производство, потому что они знают, что тут повышение техники и когда здесь говорят, что социализм можно взять без выучки у буржуазии, то я знаю, что это психология обывателей Центральной Африки. Мы не представляем себе другого социализма, как основанного на основах всех уроков, добытых у крупной капиталистической культуры“. И далее: „нам, партии и пролетариату, неоткуда взять умения организовывать крупнейшие производства по типу трестов, неоткуда, если не взять его у первоклассных специалистов капитализма“...

На VIII съезде РКП в 1919 г. он снова поднял этот вопрос на огромную принципиальную высоту и затем на протяжении всех последующих лет постоянно возвращался к этому вопросу, раздвигая рамки его постановки применительно к усложняющимся задачам. При этом Ленин решительно подчеркивал неизбежность коренного перелома в среде самих специалистов, в среде интеллигенции в связи с успешным ходом социалистического строительства. В связи с этим он формулирует мысль о необходимости прочного завоевания лучшей части буржуазных специалистов и старой интеллигенции на сторону социализма. В замечательной статье об едином хозяйственном плане в феврале 1921 г. Ленин бросает следующие указания по поводу взаимоотношений коммунистов и специалистов в комиссии по разработке плана электрификации: „Задача коммунистов, говорит он, внутри ГОЭЛРО поменьше командовать, верней совсем не командовать, а подходить к специалистам науки и техники (они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазным мирозерцанием и навыками, как говорит программа РКП) чрезвычайно осторожно, умело учась от них и помогая расширять им свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответствующей науки, памятуя, что инженер подойдет к признанию коммунизма не так, как подошел подпольщик-пропагандист—литератор, а через данные своей науки, по-своему подойдет к признанию коммунизма агроном, по-своему—лесовод и т. д.“.

Таким образом, руководящий класс октябрьского переворота и социалистического строительства устами своего гениального вождя

и организатора провозгласил широчайшую программу привлечения сложившихся еще в условиях капитализма кадров технической интеллигенции к делу хозяйственного возрождения и культурного подема страны. Много сил и труда отдано коммунистической партией на разрешение этой задачи, и нет никакого сомнения в том, что она в основном разрешена успешно, нет никакого сомнения в том, что широкие кадры старой интеллигенции уже в значительной мере связали и продолжают все больше связывать свою судьбу с судьбой социалистического строительства в СССР.

Но было бы неправильно упрощать этот процесс, было бы ошибочным закрывать глаза на те сложные социальные и политические процессы, которые происходят в рядах старой интеллигенции в связи с общим сдвигом классовых сил в Советском Союзе. Несомненно, что некоторые слои старой технической интеллигенции подошли к сотрудничеству с советской властью лишь на основе более или менее отчетливо осознанной ими самими смено-веховской психологии, т. е. рассчитывая на медленное, но неуклонное сползание советского строительства с социалистических рельс на дорогу „здорового капитализма“.

Победоносный ход социалистического строительства последних лет, начало социалистической реконструкции всего народного хозяйства, усиливающееся социалистическое наступление на остатки капитализма,— все это не могло не рассеять этих смено-веховских иллюзий, не могло не нанести тяжелого удара по буржуазному нутру этих слоев интеллигенции. Поворот здесь от сотрудничества с советской властью к новой форме саботажа и прямого противодействия задачам социалистического строительства был для них, в известной мере, неизбежным. Сопротивление капиталистических элементов страны великому делу социалистического строительства находит в этих людях своих агентов и глашатаев.

Лишь в таком аспекте становится понятной та полоса контрреволюционного вредительства, которая, к сожалению, захватила отдельные группы высшей технической интеллигенции в различных отраслях хозяйства. Как всегда бывает, буржуазные обыватели и филистеры всех мастей и оттенков подняли бешеную кампанию против советской власти в связи с Шахтинским делом. Между тем громадный общественный резонанс, который нашло Шахтинское дело в советской стране, свидетельствовал о здоровой классовой бдительности пролетариата, который почувал в Шахтинском деле нити более широкого, более значительного заговора части технической интеллигенции объединившейся для подрывной борьбы против социалистического строительства. И факты это блестяще подтвердили. Теперь уже известно всему миру, что в важнейших отраслях советской индустрии и на транспорте в течение ряда лет работала сплоченная контрреволюционная организация вредителей, связанная с иностранными

капиталистическими организациями и ставившая своей задачей подрыв социалистического строительства в СССР и реставрацию в нем капиталистических отношений.

Эти факторы лишней раз подчеркивают то своеобразие и те исключительные трудности социалистической революции, по сравнению с революцией буржуазной, о которой так проницательно говорил Ленин. Но это же обстоятельство с новой силой подчеркивает и обостряет все гигантское значение и всю актуальность проблемы подготовки пролетарских квалифицированных кадров для социалистического строительства в СССР. Можно, не боясь преувеличений, сказать, что на нынешнем переломном этапе социалистического строительства в СССР суживается база использования старой буржуазной технической интеллигенции. Это происходит, во-первых, потому, что редуют ее ряды количественно, а во-вторых, потому, что некоторая прослойка буржуазной интеллигенции, рассчитывавшая на спуск на тормозах к капитализму, перешла на путь прямого сопротивления победоносному социалистическому наступлению. В этом одно из характерных отличий нынешнего этапа общественных отношений и хозяйственного строительства в стране Советов. Острота вопроса о пролетарских инженерно-технических кадрах обуславливается не только хозяйственной необходимостью, но и процессами политического расслоения в среде специалистов. Не видеть этого было бы величайшей и опаснейшей политической близорукостью, настоящим проявлением правого оппортунизма. Не случайно право-оппортунистические элементы в партии недоценивают политической остроты проблемы форсированного формирования новых кадров.

Учет и планирование инженерно-технических кадров

Нужно со всей откровенностью признать, что несмотря на постановление прошлогоднего пленума ЦК ВКП (б), несмотря на то, что острый недостаток квалифицированных инженерно-технических кадров выявился со всей отчетливостью в ходе хозяйственного строительства последних лет и в ходе работ над составлением пятилетнего плана, все же эта проблема относится к числу наименее освещенных и наименее разработанных. Учет наличных инженерно-технических кадров, а тем более исчисление их потребности в перспективе ближайшего пятилетия и расчеты покрытия этой потребности произведены крайне несовершенно, чтобы не сказать из рук вон плохо. Цифры и точки зрения здесь колеблются больше и меняются чаще, чем в любой другой области нашего планирования.

Характерно, что ЦСУ до настоящего времени не имело и не имеет никакого отношения к учету инженерно-технических кадров. Ни одного сплошного учета этого важнейшего элемента и фактора индустриализации до сих пор не было. Мы вынуждены довольствоваться учетами НКТруда и отдельных

ведомств, притом крайне неполными, осуществляемыми по различной методологии и, как правило, трудно сопоставимыми. На наибольшую полноту мог бы претендовать учет научных специалистов (в том числе и инженерно-технических кадров), произведенный НКТрудом по состоянию на 1 апреля 1929 г. Однако, этот учет охватил лишь так называемую дипломированную часть инженеров и техников, т.е. лиц с законченным высшим образованием и с дипломом на руках. Все те инженеры и техники которые по разным причинам не закончили образования, не имеют диплома, но имеют десятки лет большого практического опыта и зачастую серьезные научные работы, в учет не попали, как бы ни была значительна их роль в каждом данном производстве. Между тем, таких недипломированных, но крайне ценных практиков, у нас очень много во всех отраслях хозяйства. Мы не говорим уже о том, что при такой системе учета оказываются обойденными все те технические силы, которые выдвинула революция из числа квалифицированных рабочих, мастеров и т. д.

Этот учет инженерно-технических кадров, произведенный НКТрудом, дан лишь по специальностям и не представлен по отраслям промышленности, что лишает возможности сопоставить его выводы с материалами самой промышленности и тем проверить степень обеспеченности инженерно-техническими кадрами каждой промышленной группы. При этом нужно иметь в виду, что ни у НКТруда, ни у промышленности, ни у профессиональных союзов нет ни малейшего представления о наличных кадрах мастеров, бригадиров и т. п. категорий технического персонала промышленности, роль и значение которых совершенно очевидны всякому.

Наконец, бросается в глаза отсутствие сколько-нибудь надежно разработанных сопоставлений наличных инженерно-технических кадров СССР и степени насыщенности ими различных отраслей хозяйства и промышленности с иностранными данными, что крайне затрудняет научную оценку нынешнего положения вещей, а тем более исчисление необходимых пополнений.

В нашей характеристике состояния учета инженерно-технических кадров нет ни малейшего преувеличения. Как это ни печально, но дело обстоит именно так. Это обязывает со всей энергией и не теряя буквально ни одного дня приняться за упорядочение этого крайне важного и крайне ответственного участка хозяйственного фронта. Совершенно необходимо уже в 1930 г. произвести единовременный и всесторонний учет инженерно-технических кадров (инженеров, техников как дипломированных, так и практиков, а также мастеров, бригадиров и т. п.) одновременно по специальностям и по отраслям хозяйства и промышленности. Это должно быть делом ЦСУ. Пора прекратить практику кустарных учетов, пора поставить это дело на рельсы научной статистики!

Само собой разумеется, что наряду с этим сплошным учетом инженерно-технических кадров органами ЦСУ, должна быть упорядочена система текущих учетов органами НКТруда и отдельных ведомств, при обязательном обеспечении единства классификации состава инженерно-технических кадров. Наконец, необходимо широко и надежно разработать сопоставление степени обеспеченности советской промышленности инженерно-техническими кадрами, по сравнению с показателями передовых капиталистических стран и с учетом намечающихся в них новейших тенденций.

Еще хуже обстоит дело в области исчисления потребности в квалифицированных кадрах. Мы достигли значительных успехов в области плановых расчетов и проектирования во всех отраслях народного хозяйства. Между тем дело исчисления потребности в инженерно-технических кадрах находится в совершенно зачаточном состоянии и по своей методологии и организации совершенно не отвечает исключительно большому значению этой проблемы для социалистического строительства в СССР. Нужно прямо сказать, что по всей линии хозяйственных организаций (Госпланы, ВСНХ НКПС, НКЗемы, тресты и т. д.) надлежащим образом не выделены, не организованы и не укомплектованы соответствующими людьми органы и аппараты, ведающие исчислением потребности в инженерно-технических кадрах и проектировкой порядка, сроков и методов покрытия этой потребности. Мы не говорим уже, что вся высшая техническая школа стоит в стороне от этого дела.

Нечего удивляться, если при этом обнаруживается крайнее несовершенство и крайняя шаткость всех исчислений, необходимых нам для обеспечения пятилетнего плана инженерно-технических кадров. Ближайшее прикосновение к материалам отдельных отраслей промышленности показывает совершенно невероятную пестроту и разношерстность самих основ проектировки. Одни отрасли промышленности исчисляют число необходимых инженеров и техников по отношению к числу занятых рабочих, другие — по отношению к количеству выпускаемой продукции, третьи — по отношению к сумме вкладываемых капиталов четвертые — по провизорным штатным расписаниям проектируемых предприятий и т. п. Никакого сколько-нибудь обоснованного и надежного центрального руководства этим делом нет, произвол и импровизация царят здесь безраздельно.

Бросается также в глаза отсутствие качественной характеристики и определения типа и характера необходимых специалистов, а также отсутствие конкретного анализа соотношений между высшими и средними квалификациями. Не будет преувеличением сказать, что во многих случаях при проектировке потребности в инженерно-технических кадрах, все расчеты являются результатом механического усвоения директив июльского пленума ЦК ВКП (б) об удвоении числа инженеров и об отношении между инженерами и техниками как 2:3. Мы не могли бы назвать ни одного сколько-нибудь ценного

исследования по вопросу о числе, типе и характере необходимых специалистов.

Это положение вещей дальше нетерпимо. Мы не только разработали пятилетний народнохозяйственный план, мы успешно осуществляем его, вопреки пророчествам наших врагов, вопреки предсказаниям право-оппортунистических элементов в нашей собственной среде. Больше того, как показывает опыт 1928/29 и 1929/30 гг., мы, по ряду важнейших показателей, идем с заметным превышением пятилетнего плана. Но чтобы этот ход хозяйственного строительства был надежным, нужно доработать слабое звено в пятилетке, нужно наново и со всей серьезностью рассмотреть проблему квалифицированных кадров вообще и проблему инженерно-технических кадров в частности и особенности. Нужно радикально изменить всю организацию разработки этих вопросов.

Из года в год в общей сумме наших капитальных вложений повышается удельный вес ассигнований на новое строительство. Строительство новых фабрик, заводов, железных дорог, очагов механизированного земледелия и т. п. становится доминирующим в нашем капитальном строительстве. Является совершенно необходимым обеспечить такую постановку проектирования новых индустриальных предприятий в широком смысле слова, при которой важнейшей составной частью проектирования была бы разработка вопроса о количестве и качестве инженерно-технического персонала (а равным образом и квалифицированных рабочих), необходимого для эксплуатации этих предприятий. Нужно далее по всей линии наших планирующих и управляющих хозяйственных организаций выделить ответственные органы, ведающие вопросами кадров, и обеспечить их надежными и хорошо подготовленными людьми. Нужно, наконец, в ближайшее время провести ряд больших конференций, на которых широким участием советской общественности были бы поставлены и обсуждены боевые моменты ответственного, можно сказать, решающего для всего социалистического строительства дела подготовки пролетарских инженерно-технических кадров.

Инженерно-технические кадры и их подготовка

Мы указали уже выше на крайнее несовершенство учета наличных инженерно-технических кадров в СССР и на сугубо ориентировочный характер цифр, относящихся к этому вопросу. Известно также, что опубликованные в пятилетнем плане расчеты потребности в инженерно-технических кадрах оказались преуменьшенными и нуждающимися в коренной переработке. Приводимые ниже цифры и являются результатом этой, правда, далеко еще не законченной работы по составлению новых расчетов пятилетней потребности в инженерно-технических силах.

К началу текущего пятилетия вся советская индустрия располагала примерно 16.000 дипломированных инженеров, 17.000 лиц

средней инженерно-технической квалификации и 25.000 так называемых практиков, т.е. техников без специального образования, но с большим или меньшим практическим стажем технической деятельности. На плечах этих 57.000 инженеров, техников и практиков советской индустрии лежат гигантские задачи по поддержанию крайне высокого, все повышающегося хода эксплуатации существующих индустриальных предприятий, по их широкой и коренной технической реконструкции и по крупнейшему новому строительству. Эти эксплуатационные и строительные задачи инженерно-техническим кадрам СССР, в большинстве своем воспитанным в условиях капиталистической фабрики, приходится разрешать в принципиально иной обстановке социалистического предприятия. Поэтому, на инженерно-технические кадры ложатся новые дополнительные задачи, вытекающие из социалистического уклада советской фабрики и характерного для нее строя общественной пролетарской жизни на предприятии.

Однако, значение отсталости советской индустрии в деле укомплектования ее инженерно-техническими кадрами может быть осознано лишь при учете того, что и в настоящее время все еще некоторые кадры высшей технической интеллигенции стоят либо на прямо враждебных позициях по отношению к социалистическому строительству, либо в лучшем случае нейтральны к его задачам. Воодушевленным отношением к строительству охвачены далеко не все наличные кадры технической интеллигенции. Политическое и народнохозяйственное значение инженерского контрреволюционного вредительства не может быть недооценено. Только исключительные преимущества планомерно организованного хозяйства и исключительная преданность рабочего класса делу социалистического строительства могли обеспечить высокие темпы развития на базе старого основного капитала при убогой обеспеченности инженерно-техническими кадрами.

С полным учетом того, каким лимитом является для дальнейшего индустриального развития недостаток квалифицированных кадров и должна быть запроектирована программа их воспроизводства в текущем пятилетии. Как показывают последние расчеты, к концу пятилетия на советских индустриальных предприятиях должно будет работать свыше 60.000 инженеров и свыше 90.000 техников со специальным образованием, т.е. иными словами к существующим 32.000 дипломированных инженеров и техников со средним образованием, а также, примерно, 25.000 практиков предстоит дополнительно ввести в производство около 48.000 дипломированных инженеров и около 75.000 техников с законченным образованием. При осуществлении этой программы процент инженеров по отношению к рабочим подымется с 0,67 до 1,5, а процент техников с 0,69 до 2,23. Это будет уже значительным приближением к нормам передовых европейских стран. Это даст вместе с тем и значительно более правильное соотношение между инженерами и техниками в промышленном производстве.

Достаточно назвать эту задачу, чтобы стал ясен ее крупный масштаб и ее исключительные трудности. В самом деле, почти утроение квалифицированного инженерно-технического персонала в индустрии за пятилетие было бы делом нелегким и для стран с более высоким культурным уровнем, чем СССР. Однако, эта задача властно поставлена всем ходом индустриального развития и она безусловно будет разрешена. Мы вернемся дальше к характеристике путей и методов разрешения этой ответственной задачи.

Не менее крупные задачи в области подготовки инженерно-технического персонала встают и на транспорте. В настоящее время советский железнодорожный и водный транспорт располагает, примерно, 5.000 дипломированных инженеров и 10.000 техников со специальным образованием, между тем, количество штатных инженерских должностей измеряется 11.500, а штатных должностей для техников с законченным образованием около 29.000. Иными словами, большой процент должностей занят практиками без законченного образования, которые играют весьма крупную роль в работе транспорта. В отношении социального состава и политической ориентации инженерно-технического персонала на транспорте может быть целиком применено все, что сказано нами по отношению к инженерно-техническому персоналу в промышленности. Расстрел в 1929 г. трех лидеров (бывших акционеров частных и крупных агентов государственных железных дорог царской России) контрреволюционной вредительской организации на транспорте, охватившей довольно большой круг высших железнодорожных служащих, является достаточной иллюстрацией к происходящим здесь общественным процессам.

Проблема подготовки инженерно-технических сил для транспорта в количественном отношении не менее остра, чем для индустрии, но она не столь сложна, ибо здесь типы квалификаций устойчивее и яснее. К концу текущего пятилетия общее число инженеров на транспорте должно быть доведено до 17.300 и техников с законченным образованием до 42.000. Иными словами, предстоит больше чем в 3 раза увеличить на транспорте инженерский состав и почти в 4 раза состав высококвалифицированных техников. Всякий, кто отдает себе отчет в трудности высшего путейского образования и длительности его сроков, поймет, что здесь — одна из не легких задач.

В связи с вопросом об инженерно-технических кадрах в индустрии и на транспорте следует особо подчеркнуть еще один фронт, где проблема новых специалистов приобретает особенно острый и актуальный характер. Мы имеем в виду строительство в широком смысле слова. Уже из предшествующего изложения видно, как разрастается в текущем пятилетии строительный фронт в СССР. 20 млрд. капитальных инвестиций в промышленность (вместе с электростроительством), около 10 млрд. — на транспорт около 7 — 8 млрд. — в жилищное и коммунальное строительство и т. п., — все это требует

такого кадра квалифицированных строителей, которые обеспечили бы современный характер строительства, сверхамериканский темп его и максимальную дешевизну. Наконец, городское жилищное и коммунальное строительство ставят и ряд новых своеобразных задач, вытекающих из социалистического характера общественной организации и общественного быта в СССР. Вот почему многие считают необходимым от 2.000 строителей с высшим и средним техническим образованием в СССР к началу пятилетия подойти почти к 20.000 к его концу. Весьма возможно, что в этих расчетах есть преувеличение, вытекающее из новизны дела и трудности точного цифрового выражения разворачивающихся здесь перспектив и потребностей. Но частичные уточнения не меняют существа дела, не снижают исключительного размаха ставших здесь задач по подготовке квалифицированных кадров.

Наконец, к этой же группе вопросов об инженерно-технических кадрах примыкают и новые потребности в области сельского хозяйства. Сельское хозяйство дореволюционной России не знало инженерно-технических кадров за исключением отдельных специальных проблем в роде крупной ирригации, больших мелиоративных работ и т. п. Агроном дореволюционной России — это меньше всего инженер и организатор, это главным образом пропагандист и популяризатор сел.-хоз. знаний в индивидуальных крестьянских хозяйствах. Все мировоззрение высшей агрономической школы и агрономических кадров старой России исходило из незыблемости священных основ частной собственности на землю и из незыблемости мелкого сел.-хоз. производства на разобщенных крестьянских полях. Лишь в помещичьих латифундиях, там, где они переходили от оброчной и арендной эксплуатации крестьянства к крупному механизированному земледелию, начали появляться отдельные организаторы сел.-хоз. производства индустриальной складки. Да и весь истекший период советского строительства по существу дела не внес радикальной ломки в сел.-хоз. образование под этим углом зрения. Тем более трудные задачи встали в настоящий период.

В настоящее время на полях Советского Союза работает около 11.000 агрономов с высшим образованием и около 27.000 агрономических работников со средним и низшим образованием. Мы уже указали, что характер их квалификаций и направление их работы были сформированы обстановкой мелкого крестьянского хозяйства. Дело радикально меняется в перспективе текущего пятилетия, которое разворачивает в невиданных до сих пор масштабах процесс обобществления сел.-хоз. производства и строительства крупных механизированных сел.-хоз. предприятий индустриального типа. В соответствии с этим по предварительным, крайне еще несовершенным и почти наверно явно преуменьшенным расчетам специальных организаций, к концу пятилетия обобществленное сельское хозяйство потребует около 5.000 инженеров, около 30.000 агрономов высшей

квалификации, около 20.000 техников и около 30.000 агрономического персонала низшей квалификации. Мы не говорим уже о тех сотнях тысяч трактористов, мотористов и т. п., которые должны будут управлять тракторами, комбайнами, сложными машинами и прочее.

Уже для 1929/30 г. выявившего перспективу обобществления и механизации сел.-хоз. производства в масштабах, значительно превышающих расчеты пятилетнего плана. Правительство сочло необходимым особым постановлением обеспечить подготовку 375 руководителей совхозов, машино-тракторных станций и крупных коллективных хозяйств, 300 агрономов высшей квалификации, 2.000 агрономов со средним образованием, 400 инженеров-механизаторов, 2.000 техников, 25.000 руководителей средними и мелкими колхозами и 40.000 трактористов, рулевых и т. п. Этот практический шаг Советского правительства в 1929/30 г., под давлением острейших запросов сегодняшнего дня, лучше всех сложных статистических расчетов иллюстрирует характер и масштаб потребности в новых агро-инженерно-технических кадрах для сельского хозяйства.

Таковы ориентировочные расчеты потребности в инженерно-технических кадрах для решающих отраслей народного хозяйства. Если учесть дополнительную потребность коммунального хозяйства, торгового строительства и целого ряда других отраслей, то общая потребность в инженерах к концу пятилетия подымается больше чем до 100.000 чел. и в техниках до 180.000 чел., или, иначе говоря, нужно дополнительно подготовить за пятилетие для всего народного хозяйства около 80.000 инженеров и около 150.000 техников, не считая сельского хозяйства с его специфическими требованиями. Нет нужды подчеркивать здесь, что речь идет не просто о подготовке инженеров и техников, а о подготовке инженерно-технических кадров для социалистического строительства, следовательно, о такой подготовке, которая вооружала бы не только техническими знаниями, но и политическим воспитанием в духе коммунизма. Нет надобности также подчеркивать и того, что новые кадры должны быть взяты по преимуществу из состава рабочего класса, беднейшего и среднего крестьянства. Классовая принадлежность технической интеллигенции имеет исключительное значение для судеб социалистического строительства.

Как может быть осуществлена эта подготовка? Это один из наиболее трудных вопросов строительства, ибо подготовка квалифицированных кадров требует устойчивых и длительных сроков, формирование здесь возможно лишь в крайне ограниченных размерах. В настоящее время в Советском Союзе существует 25 высших технических училищ (академии, институты) с 49.700 учащихся, 2 высших путейских института с 3.050 учащихся и 31 высших сел.-хоз. институтов с 24.400 учащихся. Учитывая народнохозяйственные потребности в связи с пятилетним планом, правительство уже в истекшем году приняло решение об организации в ближайшие два года 47 ин-

дустриальных и сел.-хоз. высших учебных заведений и 172 техникумов.

Отрицательной чертой учебной жизни в высших технических школах Советского Союза за последний период было то, что они давали ежегодный выпуск лишь примерно в 6—7% от общих студенческих контингентов. Причина этого лежит в недостаточной еще организованности жизни высшей школы, во вводе в высшую школу многочисленных кадров рабочих и крестьянских студентов с недостаточной подготовкой, в сложном характере социальных процессов внутри высшей школы и трудностях политического завоевания ее в самых глубоких основах академической жизни. Но, разумеется, с таким расточительством самого драгоценного элемента—элемента времени—долго мириться нельзя. Поэтому в буквальном смысле слова боевой задачей ближайшего года является доведение выпуска из высших технических учебных заведений не менее, чем 20% в школах с четырехлетним курсом и 15% в школах с пятилетним курсом от общего контингента учащихся. Расширение школьных помещений, широкое строительство общежитий для пролетарского студенчества, укомплектование лабораторий, библиотек и целая система организационных мероприятий по обеспечению трудовой дисциплины в школе подчинены этой задаче повышения эффективности ее работы. При осуществлении этих мероприятий, при обеспечении этой эффективности школьной работы есть возможность ожидать от существующих школ и вновь разворачиваемых выпусков к концу пятилетия 58.000 инженеров, т.-е., примерно, двух третей потребности. При этом нужно иметь в виду, что новые высшие технические школы вступят своими выпусками в значительно более широком масштабе в первые годы следующего пятилетия.

Так обстоит дело с академической подготовкой инженеров. Примерно аналогичная картина и в области подготовки техников. В настоящее время в Советском Союзе существует 123 индустриальных техникумов с 34.800 студентов, 41 транспортных техникумов с 7.500 студентов и 191 сел.-хоз. техникумов с 28.900 студентов. Как сказано уже, в 1929 г. советским правительством постановлено открыть в течение ближайших двух лет 172 новых техникума для обеспечения подготовки этого наиболее слабого звена в общем составе технических кадров. Эффективность работы существующих техникумов, относительно говоря, не лучше, чем высших технических школ. Поэтому, обеспечение в техникумах режима и строя учебной жизни, отвечающих темпу хозяйственного строительства и остроте потребности в подготовке квалифицированных кадров, поставлено со всей настойчивостью и, вероятно, при этих условиях вся система техникумов сможет выпустить к концу пятилетия, около 75.000 техников высшей квалификации для индустрии, транспорта и для сельского хозяйства. Иными словами, академическая подготовка техников, так же, как и инженеров, явно не покрывает всей

той потребности, которая отчетливо выявлена перспективами хозяйственного строительства.

Это подводит нас вплотную к крупнейшему вопросу о так называемом дополнительном обучении инженерно-технического персонала. Мы указали уже на большой процент практиков в советской индустрии и на транспорте. С другой стороны, нужно отдать себе ясный отчет в том, что из десятков миллионов разбуженных революцией пролетариев и крестьян, прошедших суровую школу империалистической и гражданской войны, выделяется передовой актив одаренных людей, ищущих технических знаний, технической квалификации. Многие из них имеют за плечами годы, а иногда и десятки лет производственно-индустриального стажа в роли квалифицированных рабочих, техников, мастеров. Многие из них длительный период занимают командные административно-технические посты. Эти кадры открывают неограниченные возможности для вербовки и подготовки системой дополнительного обучения достаточно надежных, одаренных инженерно-технических сил.

Поэтому, наряду с академической подготовкой, встает громадная задача по развертыванию многочисленных и многообразных организаций и институтов дополнительной квалификации инженерно-технического персонала. В особенности это относится к переподготовке практиков, занимающих инженерные должности в промышленности и на транспорте. Система открытых лабораторий, специальных консультаций, заочного обучения, вечерних школ, курсов, формирование технических библиотек, снабжение инструментариями и т. п.— все это является в нынешних условиях советского строительства не либеральным внешкольничеством старых времен, а боевой организацией формирования квалифицированных кадров. Нужно прямо сказать, что в этом отношении Советский Союз значительно отстал даже от той практики, которая широко развита в передовых капиталистических странах, в особенности в С.-А.С.Ш. Между тем, советский строй общественной жизни открывает здесь неизмеримо большие перспективы, чем это имеет место в капиталистическом обществе. Нужно заострить этот вопрос на нынешнем этапе развития и поставить его в центре общественного внимания.

Но даже и при этих условиях, как видно из сопоставления примерных расчетов потребности и ожидаемой подготовки в академическом порядке и по системе дополнительного обучения, нужды социалистической индустриализации в широком смысле слова в инженерно-технических кадрах не будут полностью покрыты. Однако, этот недобаланс, при большой условности расчетов потребности, не может смущать, из-за него не может быть свернут масштаб и темп индустриального строительства. Этот недобаланс лишь сигнализирует всю остроту задачи и тот революционный нажим на этом фронте, который необходим для решения стоящих перед Советским Союзом народнохозяйственных задач.

Борьба за высшую техническую школу

Мы показали выше примерный масштаб потребности в инженерно-технических кадрах для обеспечения пятилетней программы народнохозяйственного строительства и роль высшей технической школы в покрытии этой потребности. Как бы ни были ценны и значительны многообразные формы дополнительного обучения (а их недооценивать ни в коем случае нельзя), все же решающим звеном в формировании кадров на данном этапе развития является высшая техническая школа. Не на словах, а на деле политическое овладение ею, коренная реформа ее, приспособление ее к нуждам социалистического строительства, обеспечение такого темпа ее работы, который соответствовал бы бурному ходу социалистической индустриализации, — вот, поистине, первоочередная, боевая задача ближайшего года. Мы подчеркиваем, б л и ж а й ш е г о года, ибо выполнение намеченной выше программы подготовки инженерно-технических кадров для текущего пятилетия может быть обеспечено лишь в том случае, если 1929/30 г. не будет потерян, если он будет полностью использован для энергичного развертывания работы высшей технической школы.

Само собой разумеется, центральным является вопрос о дальнейшем политическом овладении технической школой (вузами и техникумами), т. е. вопрос о дальнейшем комплектовании ее хорошо подготовленными кадрами из рядов пролетариата и бедняцко-средняцкого крестьянства, вопрос о формировании преподавательских кадров, преданных делу советской высшей школы и общего усиления коммунистического руководства ее. Политический опыт истекших лет, глубокие процессы политического размежевания в рядах технической интеллигенции, острота потребности в преданных социалистическому строительству пролетарских кадрах инженеров и техников делают это совершенно бесспорным. Деляческие подходы были бы здесь особенно опасными. Борьба за кадры является не только народнохозяйственной и педагогической, но и прежде всего политической проблемой.

Студенческий состав высшей школы за время революции коренным образом изменился, в высшую школу широкой волной хлынули рабочие и крестьяне. Но процесс пролетаризации ее далеко не закончен, и у дверей школы и внутри ее идет напряженнейшая политическая борьба. Вот почему необходимо бдительно следить за ходом приема в высшую техническую школу, за процентом ее рабочего ядра. Вот почему требование обеспечить в ближайшие годы 75% рабочего ядра среди общего приема во вуз'ы и 75% рабочих, батраков и бедняков среди общего приема в высшую селхоз. школу является необходимой политической гарантией успешного исхода борьбы за кадры.

Рабфаки вписали славные страницы в историю пролетаризации высшей школы. Но их роль еще далеко не закончена. Поэтому рас-

ширение сети и учащихся контингентов в рабфаках в полном соответствии с пятилетним планом разворачивания высшей школы, и тщательнейший отбор в рабфаки лучшей молодежи из рабочих, батраков, крестьянской бедноты продолжает оставаться весьма существенным звеном в общей цепи мероприятий по пролетаризации высшей школы. Но наряду с этим, для целей комплектования высшей школы отборными кадрами коммунаров и беспартийных пролетариев должен быть применен в значительно расширенной форме, со всеми своими организационными и материальными предпосылками, опыт так называемой „1.000“. Руководящие политические органы страны уже стали на этот путь.

Однако, все эти громадные усилия, которые делают партия, правительство и общественные организации страны для укомплектования высшей школы пролетариями, батраками и крестьянами-бедняками, все эти усилия по формированию своих инженерно-технических кадров только в том случае действительно увенчаются успехом, если будет изменен весь внутренний строй учебной жизни нашей технической школы. Мы подошли вплотную к сложнейшему и ответственнейшему делу коренного изменения учебных планов, всего уклада учебной жизни. Оттягивать и ждать здесь нельзя, эта реформа должна быть проведена твердо и решительно. Действительная разгрузка высшей технической школы от излишнего баласта учебных дисциплин, сокращение срока обучения, решительное расширение сроков производственной практики, правильное чередование ее с академической учебой стали в буквальном смысле слова неотложным делом сегодняшнего дня. Несмотря на твердые директивы прошлогоднего июльского пленума ЦК ВКП (б), 1928/29 г. был использован недостаточно, время было в значительной мере упущено. Тем не менее с удесятенной энергией провести это дело в текущем году. Время не ждет.

Крупнейшее значение приобретает вопрос о новых научно-педагогических кадрах для высшей технической школы. В деле укомплектования социально-экономических учебных заведений своими преподавательскими кадрами мы уже многого достигли. Высшая техническая школа в этом смысле значительно отстала. Выдвинуть на этот участок академического фронта молодые научные силы, в особенности из числа коммунистов и рабочих, представляется делом исключительной важности. Уже в текущем году должны быть выделены десятки и сотни молодых ученых для подготовки их внутри страны и за границей к педагогической работе в высшей технической школе.

Мы упоминали уже выше о крайне низкой эффективности учебной работы наших вузов, выражающейся в ежегодном выпуске 6—7% своих студенческих контингентов. Это совершенно нетерпимое расточительство, такая работа ни в какой мере не контактирует с боевым темпом социалистического строительства в СССР. Между

тем высшая школа не только должна поспевать за ходом хозяйственного строительства, но и в известной мере опережать его. Радикальное изменение всего темпа и тона учебной жизни, максимально бережное отношение к элементу времени, выигрыш каждого дня в решающем деле подготовки кадров, строжайшая, буквально военная дисциплина в процессе учебы, являются необходимыми предпосылками для успешного осуществления, а тем более превышения пятилетки. Поэтому, директива партии об обеспечении 20% ежегодного выпуска во втузах с 4-летним курсом и 25% выпуска при 3-летнем курсе должны быть со всей ответственностью проведены в жизнь. Но это обозначает настоящую революцию во всем укладе нынешней академической жизни.

Совершенно очевидно, что эти задачи могут быть разрешены лишь при значительном улучшении материального положения высшей технической школы, больше того, при новых капиталовложениях в нее. 1929/30 г. намечает в этом отношении серьезный перелом. Уже в 1928/29 г. в связи с решением июльского пленума ЦК ВКП (б) во втузы были влиты дополнительные материальные ресурсы. Только индустриальные и сел.-хоз. втузы и техникумы получили в 1928/29 г. в общей сложности немногим меньше 100 млн. руб. В 1929/30 г. им обеспечено свыше 250 млн. руб., при чем особенно резко вырастают ассигнования на капитальное строительство (с 27 млн. руб. до 135 млн. руб.), на стипендии вообще и в частности на контрактацию, для которой обеспечены суммы свыше 30 млн. руб., против 2—3 млн. руб. прошлого года. Высшая техническая школа вступает в новую полосу своего развития. Мы учимся быстро сооружать большие предприятия и целые городские поселения возле них. Мы должны научиться быстро строить учебные корпуса, лаборатории и целые кварталы хорошо оборудованных общежитий для пролетарских студентов. Здесь не следует слишком экономить, эти затраты с лихвой окупят себя в общем балансе социалистического строительства.

И строительные, и учебные задачи властно требуют дальнейшего сближения школы и производства. Начатое уже и при всех дефектах руководства оправдавшее себя сосредоточение технических школ в соответствующих хозяйственных наркоматах, непрерывная производственная практика, контрактация студентов, вовлечение заводских инженеров в число преподавателей, — все это и многое другое должно быть упорно и систематически использовано для сближения школы к производству. Социалистическая фабрика нашей страны, крупные строительства, очаги механизированного земледелия должны стать опорными пунктами учебы, влиять на социалистическую перестройку школы.

Громадные задачи, поставленные ходом социалистического строительства пред технической школой СССР, требуют правильной организации руководства его. Между тем в настоящее время четко-

сти во внутреннем управлении школой нет. Нужно прежде всего ликвидировать, как совершенно изжившую себя и ненужную, выборность управления (ректоры, деканы, руководители кафедр) и заменить их научными руководящими органами. Нужно, далее, четко разграничить функции между администрацией и студенческими организациями и обеспечить ответственное руководство такой сложной организацией, как высшая техническая школа.

Подготовка инженерно-технических кадров встала перед нами во всей своей политической и народнохозяйственной остроте. Великая проблема культурного преодоления буржуазии получает здесь свое наибольшее заострение. Великие интересы социалистического строительства властно диктуют — развернутым фронтом двинуться на борьбу за пролетарские инженерно-технические кадры.

С. И. Шаров

Пятилетний план и плановая работа

Материальное содержание пятилетнего плана, как системы хозяйственных установок, программы капитального строительства и производственных заданий, проверяется и исправляется в живой действительности усилиями миллионов трудящихся.

Колоссальная задача выполнения и даже превышения программы великих работ поглотила общее внимание, и оно с некоторым трудом обращается к вопросам о порядке составления и структуре плана, как правительственного документа, и об его формально-логическом содержании и значении, как системы предположений и аргументов.

Между тем, методологические и организационные итоги и уроки опыта работы над планом имеют огромную важность для правильной постановки хозяйственного проектирования в дальнейшем.

Место пятилетнего плана в истории плановой работы

Законодательное рассмотрение и утверждение пятилетнего плана завершили целую эпоху в истории „борьбы за план“, — пользуясь излюбленным выражением испытанного знаменосца этой борьбы — тов. Кржижановского, — эпоху, которая началась работой ГОЭЛРО, — Государственной Комиссии по электрификации России, — и которая теперь расширенным фронтом заданий и сил вернулась к принципам этой работы.

План ГОЭЛРО, вдохновленный Лениным, продуманный и высчитанный группой избранных инженеров и экономистов, под руководством инженера-экономиста, старого большевика и в то же время знатока организации крупных предприятий, был актом и фактом стремительного взлета планового творчества. Практически он, ухватившись за важнейшее звено в производственной жизни страны, закладывал основы социалистической реконструкции ее силового хозяйства. Методологически он являлся образцом ясности построения, четкости формулировок и конкретности расчетов.

Работа ГОЭЛРО резко порвала с тем наивным подходом к далеким хозяйственным проектировкам, который нередко встречался в первые годы революции, она резко разошлась с той „системой“, когда новые строители жизни, в мечтах, не прошедших еще через

горнило действительности, и в преувеличенной вере к чужому знанию и умению, будили фантазию старых строителей, увядшую в этом горниле, и она вспышками бенгальского огня прорезала мрак будущего на десятки лет вперед; она порвала с той системой, когда в „ВСНХ“, как вспоминал потом на XIII Партконференции тов. Рыков, „было поставлено дело так, что по телефону скажешь, а через три часа тебе дают план с цифрами, расписанный и красными, и синими кружочками, квадратами и т. д., — сидит себе спец и дело это шлепает“,¹ когда, по выражению тов. Смилги в предисловии к первым годовым контрольным цифрам по СССР, планы строились „одним полетом мысли“, „в безвоздушном пространстве“.

И многим, изверившимся в таких планах, сам план ГОЭЛРО показался листом бумаги, прошлепанным кружочками и квадратами. Для многих „стихотворением в прозе“, далеким от действительной прозы жизни, прозвучал восторженный привет тов. Бухарина в „Правде“² докладу о плане тов. Кржижановского на VIII Съезде Советов: „Пафос труда, пафос Великих Работ! Нищая, голодная, сермяжная Русь, Русь лучины и корки черного хлеба, покрывается сетью электрических станций! Они приводят в движение наши фабрики и заводы; они двигают грузы и людей по железным дорогам и водным путям; они заставляют тракторы и паровые плуги пахать земли, по которым еще недавно ходила варварская соха; они освещают здания; они превращают Россию в единое хозяйство, а раздробленный народ — в сознательную организованную часть человечества“.

И Ленину на самом Съезде пришлось разбивать ледяную кору неверия в возможность и необходимость широких и далеких хозяйственных расчетов: „Когда появляются большие планы, находятся нередко скептики, которые говорят: „Где уж там на много лет рассчитывать, дай бог сделать и то, что нужно сейчас“. Товарищи, нужно уметь соединять и то, и другое. Нельзя работать, не имея плана, рассчитанного на длительный период и серьезный успех“.³

История доказала реальность и жизненное значение „творимой легенды“, которая дерзнула во время гражданской войны, склонявшейся, правда, уже к победе, но еще не законченной, в период крайней разрухи и нищеты, в отсталой стране, выдвинуть задачу революции в области ее энергетики, на десять лет вперед наметить размер ее осуществления и запроектировать для нее грандиозное по-довоенному русскому масштабу строительство.

И кинутое русской склонностью к насмешке над собой легкое словечко „электрификация“ стало тяжелым для произношения, когда Шатурские торфяные болота и Волховские пороги бросили в столицы по проволоке высоковольтных передач силу и свет.

¹ Бюллетень XIII партийной конференции, стр. 12.

² „Правда“, 24 декабря 1920 г.

³ Собрание сочинений, т. XVII, стр. 423—424.

Тот же ход жизни, выдвигая на очередь одну за другой трудности хозяйственного восстановления и роста, повышая бытовые запросы населения, усложняя повседневную практику руководства советскими начинаниями, учреждениями, предприятиями, — властно требовал от государственной власти учета перспектив, уяснения проблем, наметки мероприятий на длительное время вперед.

Но чтобы насущность этого требования отчеканилась в общем сознании, чтобы сомнения в его осуществимости потеряли почву, чтобы обрисовались формы его выполнения, — понадобились не только разностороннее обсуждение задач и основ составления планов и не только многочисленные конкретные „перспективные ориентировки“, „ориентировочные перспективки“, но и усиление самой материальной базы планового хозяйствования в виде подъема общего производства страны и в виде роста и укрепления государственной промышленности, упорядочения транспорта и улучшения правительственного аппарата.

В этом процессе вскрывались и проверялись реальные возможности развития производительных сил, подъема благосостояния трудящихся масс, обобществления, — возможности, которые определяются с положительной стороны громадностью природных богатств страны и ее трудовых ресурсов, а с отрицательной — отсталостью и слабостью производственного и транспортного оборудования страны, недостатком в ней капиталов, разнообразием бытовых укладов, свойственных отдельным многомиллионным группам ее жителей, и огромностью ее плохо между собой связанных пространств.

Восемь с половиною лет укрепления советской системы и подъема народного хозяйства, накопления хозяйственного знания и умения, организационных и методологических исканий, количественного и качественного роста плановых аппаратов и плановых работников прошли после первого советского плана Великих Работ. Появился второй план Великих Работ, который на новый ряд лет охватывает все хозяйственное и культурное развитие всей советской части мира, по всем отраслям и социальным секторам и в разрезе всех основных районов. Этот план, как по своей принципиальной установке, так и по предметам своего содержания, и в связи с этим, по системе составления и изложения, является документом, не имеющим прецедента ни в практике дореволюционной России, ни вообще в мировой истории, как не имеет прецедента и сама пролетарская государственность, создавшая его.

Конечно, плановый подход к проблемам народнохозяйственного развития не представляется совсем чуждым для буржуазной и даже для феодальной государственно-хозяйственной мысли. И пролетариат СССР, перестраивающий свою страну из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную, может указать как на свое плановое наследие, на контуры промышленной реконструкции страны, начерченные

Менделеевым в ряде его трудов, начиная от „Толкового тарифа“¹. И тов. Кржижановский, в отчете о деятельности Госплана за 1921—1923 гг. отметил, что план, как система экономических мероприятий, отнюдь не является „специфическим атрибутом советского социалистического строительства“.² „Бюджетная календарная разверстка, — говорил он далее, — уже вводит жесткое начало плановой диспозиции даже в хозяйство страны, находящееся под знаком капиталистического режима“.

Но помимо разницы в социальных целях и социальном базисе между нашим составлением планов и составлением планов буржуазных государств, — разницы ярко и четко сформулированной т. Кржижановским в том же отчете, — наш пятилетний план, как документ, как формальное построение определенной системы предположений и определенной системы их аргументации, слишком мало мог взять из буржуазного опыта.

А между тем, в документах, имеющих, пользуясь также выражением тов. Кржижановского, „диспозиционный“ характер, вопрос существа, вопрос о качественных установках в ведении народного хозяйства и о количественных итогах, непосредственно переходит в вопрос формы, — в вопрос о структуре и объеме изложения этих установок и итогов их.

Буржуазная государственность выработала определенно и четко формально-логическую концепцию и схему текстового и таблично-цифрового изложения только для одного вида документов широкого народнохозяйственного охвата — именно, для бюджета, на который указал тов. Кржижановский.

Но бюджет включает в себе расчеты только по той части народного хозяйства, которая находится в непосредственном веде-

¹ Колоссальная разница между Менделеевским планом индустриализации и советским заключается в том, что Менделеев базировал развитие промышленности на частной предпринимчивости и на подневольном наемном труде, дешево оплачиваемом предпринимателями. Но характерно, что антисоциалист Менделеев писал: „мне нечего доказывать, по очевидности, того, что фабрично-заводская промышленность, а вместе с нею горная и перевозочная страдают нередко от капитализма... Есть три способа борьбы с этим... Эти три способа назовем: складочными капиталами, государственно-монопольными предприятиями и артельно-кооперативными“ („К познанию России“ 3 издание, стр. 102). Мысли Менделеева о взаимоотношениях земледелия и промышленности сформулированы в терминах, и сейчас не вполне потерявших, — как это ни странно, — своей свежести: „хлебные и им подобные произведения почвы производятся только в летнее время, а следовательно, масса потенциального народного труда остается у нас скрытою, чего не будет при промышленной переработке сырья“. „Земледелие нигде не достигает совершенства, т.-е. больших урожаев, иначе как при помощи промышленности, необходимой не только для дешевизны перевозки, но и для орудий, удобрений, развитых знаний, усовершенствованных видов потребления“. „Земледелие при усовершенствовании все менее и менее требует рук или затраты времени и труда для производства данного количества хлебов, тогда как виды промышленности разнообразятся год от году, что ведет к возможности всем жителям пользоваться трудовым заработком“ (там же, стр. 92).

² Отчет Госплана за 1921—1923 гг. Предисловие.

нии государства, и только со стороны денежных доходов и расходов государственного казначейства.

Наш план охватывает все народное хозяйство, и в наш план входит ряд сложнейших расчетов, остающихся в стороне при работе над бюджетом буржуазного государства. Сами вопросы финансового хозяйства, которыми занимается бюджет, в нашем плане выходят далеко за пределы последнего, разрастаясь в построение общего единого финансового плана народного хозяйства, охватывая сверх операций государственного казначейства, также и операции кредитных учреждений, и доходы и расходы хозяйственных предприятий, — государственных, кооперативных и частных хозяйств.

Состав показателей, которые требуют включения в комплексный план многолетнего развития народного хозяйства, порядок исчисления количественных предположений, схемы таблиц и текста, — все это советским работникам, а в особенности плановым работникам, пришлось выработать наново — применительно и к той широте охвата, которую должен иметь этот план, и к тем началам социалистического строительства, которым он призван служить.

Сложность этой задачи не всеми наблюдателями и даже исполнителями оценивается справедливо. Но эту сложность можно представить себе, если вспомнить, что бюджету, при его относительной простоте, потребовались десятилетия и даже столетия практики и критики, чтобы оформиться в документ определенного экономического содержания, определенных приемов изложения, определенных технических форм, определенной номенклатуры статейных подразделений и занять прочное положение в системе государственно-хозяйственных актов, в научной трактовке и в бытовом представлении. И теми же десятилетиями сложились в буржуазном право-порядке: взаимодействие отдельных органов в бюджетной работе, распределение между ними обязанностей по собиранию, движению, обработке материалов для бюджета.

Вопросы о составе и структуре текстового и табличного содержания комплексного плана и о взаимоотношениях отдельных аппаратов в плановой работе далеко не получили общепризнанного разрешения ни в момент приступа к составлению пятилетнего плана, ни даже теперь. Но откладывать это составление не было возможности — по соображениям спешной необходимости в плане, и не было смысла, так как опыт показал неразрешимость методологических разногласий и недоразумений путем предварительных теоретических споров. Работа над пятилетним планом стала одновременно ареной „борьбы за план“, — как борьбы за усиление планового начала, социалистически-планового начала в развертывании народного хозяйства, и как борьбы за концепцию и конструкцию самого составления планов.

Ближайшие к нему по времени и значительнейшие по содержанию плановые документы — план сельского хозяйства на пяти-

летие с 1925/26 по 1930/31 г. и контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1925/26 г. в подходе к вопросам народного хозяйства резко отошли от плана ГОЭЛРО. Последний четко формулировал хозяйственные задачи, которые ставит себе в области развития народного хозяйства правительство, представляющее в своем лице пролетариат, — реорганизатора этого хозяйства, и твердо намечал систему своих решений. Это был акт субъективный, волевой, целевой. Комиссия по выработке контрольных цифр народного хозяйства на 1925/26 г. „видела свою задачу в том, чтобы дать на предстоящий год основные контуры важнейших народнохозяйственных элементов, установить их взаимную связь и обрисовать то состояние народнохозяйственного целого, которое, по всей вероятности, будет достигнуто в грядущем году.“¹

Эта формулировка комиссией ее задачи очень немного теряет в своей характерности от довольно неопределенного добавления: „одновременно комиссия счтала необходимым наметить систему экономических мероприятий, потребных для осуществления тенденций и плановых заданий, лежащих в основе перспективного народнохозяйственного баланса.“² Предисловие же к контрольным цифрам говорит: „Теперь о практическом значении этих цифр. Мы предлагаем эти цифры ведомствам в крайне осторожной форме. Предлагая им свои плановые предположения, говорим, — стройте свои планы с учетом наших контрольных цифр.“³

Это — речь не правительственного центра, вырабатывающего свою систему хозяйственных решений и предлагающего ее к исполнению своим агентам, а некоего консультационного органа, рекомендующего вниманию разрозненных руководителей отдельных отраслей результаты своей попытки заглянуть в будущее. Таким пониманием плана проникнута была и упомянутая работа Наркомзема. Авторы его ставили себе в заслугу, что они верно предусмотрели темпы стихийного роста сельского хозяйства.⁴

Впоследствии методологическое существо и практическое значение контрольных цифр были охарактеризованы главными вдохновителями работы над ними формулой „прогноз и директива“. Но „директива“ здесь — не система решений, и не „диспозиция“.

Но было течение, которое не хотело признавать за контрольными цифрами даже и директивного значения: „В настоящее время контрольные цифры представляют собою по существу систему цифр, характеризующих предполагаемое развитие основных хозяйственных процессов в стране в их внутреннем между собою соотношении“... „Такая система цифр, нося в основном ориентировочный

¹ „Контрольные цифры на 1925/26 г.“ стр. 11 (второго издания).

² Там же.

³ Там же, стр. 7, разрядка в подлиннике.

⁴ Доклад Н. Д. Кондратьева. „Плановое Хозяйство“ № 8 за 1925 г., стр.

характер, позволяет наметить основные вехи развития нашего народного хозяйства на год вперед, дать надлежащее направление и ориентировку в практическом руководстве хозяйственной жизнью страны. В этом, и именно в этом, основное значение и огромная польза контрольных цифр. Тогда же, когда они приобретают директивный характер, становятся из ориентировочных предположений обязательной директивой, они становятся опасны".¹

Пятилетний план вернулся к воззрению плана ГОЭЛРО: он является не прогнозом, — и не прогнозом и директивой, — он является конкретной системой государственных решений относительно задач, путей и средств развертывания народного хозяйства.

Принципиально — это только возврат на старую верную позицию. Практически — это новое огромное завоевание, — поскольку эта позиция дает теперь господство над гораздо более широким фронтом: в плане ГОЭЛРО проектировалось, главным образом, электростроительство, теперь проектируется строительство во всех отраслях народного хозяйства. Правда и тогда и теперь стержнем плана является энергетика, но в плане ГОЭЛРО она выступает только как энергия топлива, воды, ветра, — теперь в ее понятие вошла и физическая и интеллектуальная рабочая сила человека, взятая тоже как объект планирования.

И значение плана ни в какой мере не колеблется ни трудностями выполнения плана, ни возможностями отступлений от него, которые, впрочем, пока намечаются только в сторону ускоренного его выполнения.

Пятилетний план будет той базой, от которой будет отправляться наше хозяйственное мышление и наша хозяйственная практика. Наметками пятилетнего плана будут измеряться наши предположения и наши достижения. Наметками пятилетнего плана будет регулироваться разрешение ряда вопросов, которые без него решались бы без системы и связи, и решение их будет стоить гораздо меньших затрат сил и времени, чем до него, гораздо меньших споров и пререканий. И при этих решениях обще-государственная точка зрения найдет в плане совершенно конкретную опору.

„Управлять — значит предвидеть“ — любят повторять сторонники взгляда на план, как на прогноз. Злоупотребление этим афоризмом пора прекратить. Конечно, для того, чтобы управлять надо, между прочим, и предвидеть. Но предвидеть солнечное затмение еще не значит управлять солнцем и землей. И прежде, чем пытаться предвидеть, надо установить, а что именно в данном случае надо предвидеть. Управлять — это значит объединять усилия людей на разрешении определенных задач и вносить порядок в их работу. Именно в этом смысле пятилетний план есть великий акт управления.

¹ Грузман — „Контрольные цифры промышленности“ „Вестник Финансов“, 1926 г. № 10.

И вместе с тем пятилетний план есть великий шаг в создании „единой хозяйственной доктрины“ — в привитии хозяйственным работникам привычки смотреть на хозяйственные процессы с единой точки зрения, чем создается единство их понимания, а затем и единство действия среди них.

Преодоление генетизма

Каким же образом случилось, что после активно-целеустремленного плана ГОЭЛРО наши планы отошли от методов его работы?

Случилось это потому, что содержание плановой работы должно было охватить и область сельского хозяйства, в которой особенно сильны были в первые годы революции стихийные факторы и отношения. Случилось это и потому, что в области сельского хозяйства публицистика имела гегемонами не практических организаторов крупных хозяйственных начинаний, а экономистов — статистиков. Руководящая роль в обсуждении и в проектировке судеб сельского хозяйства, — и вместе с нею очень большое влияние на составление предположений относительно развертывания других отраслей народного хозяйства, — попала в руки людей, мышление которых привыкло работать не в плоскости постановки задач для конкретного ответственного их разрешения, и не в плоскости искания практических путей и средств этого разрешения; мышление этих людей привыкло работать в плоскости наблюдений, — хотя, конечно, не бесстрастного, и иногда не беспристрастного, — стихийного развития обстоятельств, изучения тенденций этого развития и его циклов в прошлом и настоящем и установления статистических вероятностей на будущее время. Вместо составления планов эти работники занялись составлением конъюнктурных прогнозов, называя их планами, и вместо взвешивания организационно-технических возможностей — установлением эмпирических коэффициентов хозяйственного движения.¹

Существо упоминавшегося „плана“ сельского хозяйства было справедливо указано одним из его критиков, тов. Батуриным, в следующих словах: „Как строились, „перспективы“? Взята была довоенная действительность и показано, — вот какие были под'емы, вот какие падения, факторы, причины, а в дальнейшем механически была

¹ Наука психотехники очень много занимается вопросами природной приспособляемости людей к определенному делу, но слишком мало уделяет внимания влиянию профессии на людей. Между тем, „у лиц, работающих в определенной сфере деятельности и обладающих той или иной степенью одаренности, без которой вообще немисливо действительное творчество, развиваются в связи с творческой деятельностью благоприятные условия внутренней секреции, поддерживающие устремление в сторону этой деятельности“ (Бехтерев, „Общие основы рефлексологии головного мозга“, 4 изд. стр. 290).

протянута линия, и рассуждалось таким образом: так как были такие-то падения и такой-то рост, — отсюда, по аналогии, должны появиться такие-то и такие-то результаты".¹

Этим методом велась и работа над контрольными цифрами на 1925/26 г. Вот что писала комиссия о своем подходе к делу: — „Комиссия применяла три главнейшие метода: 1. Метод динамических коэффициентов, полученных путем анализа фактической эволюции нашего народного хозяйства за последние годы“... „При экстраполяции временных рядов, при выяснении тенденций развития и отыскании коэффициентов, характеризующих динамику настоящего и ближайшего будущего, комиссия использовала в качестве регулятивных принципов построение ряда закономерностей, наметившихся в нашей послереволюционной экономике“... „Эмпирическое исследование открывает ряд довольно устойчивых количественных коэффициентов, — (например, ценностное соотношение между сельскохозяйственной и промышленной товарной массой колеблется в узких пределах около величины 37 : 63), позволяющих установить не только для текущего времени, но и для ближайшего будущего динамическую систему равновесия“.²

Весьма характерным представляется то обстоятельство, что тов. Струмилину, ближайшим образом руководившему первым опытом составления пятилетнего плана по народному хозяйству СССР и выдвинувшему правильное положение, что составление планов есть „социальная инженерия“,³ не удалось провести работы в соответствующем стиле. Критика, весьма компетентная, судящая не в пылу полемики, а спустя годы, и в общем благожелательная, говорит: „видимо, в настоящий момент, без всякой опасности впасть в ошибку, можно констатировать тот непреложный факт, что дефекты первой пятилетки Союзного Госплана проистекли из одного источника, а именно — из того ограниченного метода планирования, которым пользовались его составители и которая в своем существе заключалась в статистической экстраполяции закономерностей довоенного и восстановительного периодов хозяйственного развития, без серьезной попытки действительно вскрыть на основе современных достижений науки и техники и современного опыта передовых капиталистических стран возможности широкой реконструкции и рационализации в различных отраслях народного хозяйства“.⁴

Характерным, в смысле отношения к количественным выражениям в планах, представляется то обстоятельство, что контрольные цифры Госплана РСФСР на 1927/28 г., по ряду важнейших элемен-

¹ „Пути сельского хозяйства“, № 2, за 1926 г., стр. 213 — 214.

² „Контрольные цифры, на 1925/26 г.“, стр. 14.

³ „Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27 — 1931/32 гг.“, стр. 1.

⁴ „Пути народнохозяйственного развития УССР“, Изд. Госплана УССР, стр. IX.

тов народного хозяйства, ограничиваются приведением одних процентов роста, без указания абсолютных цифр, от которых этот рост идет и к которым он приходит.

По существу вопрос о значении эмпирических закономерностей и эмпирических коэффициентов давно разрешен. Формальная логика давно сказала: „Когда непосредственные причины социальных факторов недоступны для прямого наблюдения, то эмпирический закон следствий дает нам в то же время и эмпирический закон причины, — и это все, чего мы можем достигнуть в подобных случаях. Но эти непосредственные причины зависят от причин отдаленных, и на эмпирический закон, установленный при помощи такого непрямого способа наблюдения, можно положиться в применении к ненаблюдавшимся случаям лишь постольку поскольку есть основание думать, что ни в одной из отдаленных причин, от которых зависят данные ближайшие причины, не произошло никакой перемены. Поэтому, когда мы на основании самых лучших статистических обобщений умозаключаем, хотя бы только предположительно, что те же эмпирические законы будут иметь силу и для того или для другого нового случая, мы должны хорошо знать более отдаленные причины — для того, чтобы не приложить данного эмпирического закона к случаям, отличающимся от прежних такого рода обстоятельствами, от которых в конце-концов зависит истинность самого закона“.¹

В грехе подмены плана конъюнктурными прогнозами повинны экономисты разных школ и разных политических толков. В немалой степени этот грех падает на Н. Д. Кондратьева, одного из составителей первого плана Наркомзема. Но наиболее упорным апостолом веры в эмпирические „закономерности“ и эмпирические коэффициенты был В. Г. Громан, а наиболее отчетливая формулировка взгляда на план, как на акт чистого предвидения, принадлежит В. А. Базарову.

„Сельское хозяйство, раздробленное на 20 слишком миллионов мелких самостоятельных единиц, и в своей продукции ориентированное в значительной мере на экспорт, является той областью, где генетическое исследование играет преобладающую роль. Прямое плановое воздействие на крестьянское хозяйство мы можем оказать лишь в той мере, в какой государственная промышленность представляет определенный спрос на сельскохозяйственное сырье. Конечно, через фонд заработной платы размах оперативной деятельности ости государственных предприятий и учреждений определяет ту долю товарной продукции, которую потребляет рабочий и служащий. В остальном перспективы сельского хозяйства должны базироваться на объективном изучении исторической наметившейся закономерности внутреннего роста и тенденции мирового рынка“.

¹ Милль „Система логики“, стр. 826, перевод Ивановского, изд. 2.

Так писал В. А. Базаров¹ в то время, когда громадное влияние различных систем сельскохозяйственного обложения на размер посевных площадей и состав культур, на рост стада и на поголовье отдельных видов скота било в глаза с каждой переменной этой системы, — а она менялась почти каждый год; это было писано тогда, когда значение землеустройства для подема производительности хозяйств прокламировалось со всех советских трибун, когда наши государственные заготовки и контракции осваивали и сельскохозяйственное сырье для промышленности, и проловольственные хлеба, когда расширение технических культур наглядно связывалось с снабжением их районов хлебом, когда промышленность широко стала снабжать деревню сельскохозяйственными орудиями, и на очередь выдвинулся в своем реконструирующем полеводстве виде вопрос о минеральных удобрениях, когда очевиднейшим образом подтверждалась зависимость сельского хозяйства в его качественных и количественных моментах от транспортных условий, когда тов. Дунаевский уже горячо пропагандировал на страницах „Планового Хозяйства“ идею тракторных станций,² а тов. Маркевич начинал ее практическое осуществление.

И два года спустя тов. Базаров писал: „Если бы мы располагали идеальным познанием, — мы могли бы на любое число лет вперед с точностью рассчитывать путем генетического научного исследования и развитие материального базиса в данном обществе, и трансформацию надстроек, и результаты взаимодействия базиса и надстройки. Ни о каких априорных плановых заданиях, ни о каких конструкциях в нашей плановой работе не было бы тогда и речи. Мы не строили бы нескольких вариантов, но опираясь исключительно на изучение прошлого, сумели бы с полной логической непрекаемостью начертать единственный возможный путь грядущего. К сожалению, мы бесконечно далеки от такого бесконечно глубокого и исчерпывающего познания. Поэтому, в плановой работе мы, не умея предвидеть, вынуждены предвосхищать результаты развития в форме априорных условных заданий и уже потом, апостериори, научно оправдывать и обосновывать их.“³

Это — детерминизм, перешедший уже в „нецесситарианизм“ и фатализм. Это — полное отрицание волевого подхода к жизни; не только возможным, но и вполне естественным считается полное подавление человеком в себе чувства свободы выбора, вывод им своих целей не из ощущаемых им собственных потребностей, а из догадок о предопределенном будущем. Это — призыв, — и призыв, при совершенно ясном представлении В. А. Базарова о недостаточ-

¹ „О методологии построения перспективного плана“. „Плановое Хозяйство“, № 7 за 1926 г.

² „Плановое Хозяйство“, № 12, 1927 г.

³ „Принципы построения перспективного плана“, „Плановое Хозяйство“, № 2 за 1928 г.

ном знании прошлого и о невозможности предвидения будущего, очень странный, — к составлению гороскопов и к подчинению их предсказаниям.

Это вовсе не похоже на Марксовское „изучать факты, чтобы их переделать“.

Энгельс дал очень резкую характеристику нашего исторического познания: „В области человеческой истории мы с нашей наукой еще гораздо более отстали, чем в области биологии; если когда либо и познается внутренняя связь между общественными и политическими формами существования известной эпохи, то это случается обыкновенно только тогда, когда формы эти уже на половину изжиты и приближаются к полному исчезновению.“¹

„Наиболее ценным результатом рассуждения должно бы явиться крайнее недоверие к нашему жизненному познанию, так как мы, по всей вероятности, находимся лишь в начале истории человечества, и поколения, которые станут исправлять наши ошибки, будут, конечно, гораздо многочисленнее тех, результаты познания которых мы в состоянии исправить.“²

И тут же находим предостережение против игнорирования законов внешней необходимости: „Свобода заключается не в мнимой независимости от естественных законов“. Но далее мы читаем, — „она заключается в познании этих законов и в получении, таким образом, возможности планомерно пользоваться ими для определенных целей“. „Свобода воли значит поэтому ни что иное, как способность со знанием дела принимать то или иное решение.“³

У Базарова отказ от цели в силу представления о неизбежной необходимости; у Энгельса познание естественных законов, для того, чтобы использовать их в своих целях. У Базарова отказ от решения потому, что все предрешено, и подчинение гороскопу; у Энгельса — умелый выбор решений.

Конечно, при этом выборе, говоря словами Виндельбонда, „чем шире и тверже у человека причинные знания, тем сильнее его мимолетное желание может быть задержано мыслью о всех тех последствиях, которые он предвидит. Но необходимо подчеркнуть, что при знании последствий дело идет не столько о представлении предметов отношений и переживаний, сколько о их ценности для выбирающего, т.е. о связанных с ними чувствах. Выбор поступка лишь постольку определяется сознанием его последствий, поскольку последние, в свою очередь, могут вызвать чувство оценки.“⁴

Тов. Ковалевский в своем докладе о методологии генерального плана, сделанном в клубе плановых работников имени тов. Кржи-

¹ „Энгельс „Анти Дюринг“, стр. 110. — Изд. „Просвещения“.

² Там же стр. 114.

³ Там же, стр. 150.

⁴ Виндельбонд. „О свободе воли“, стр. 44 — 45 русского издания.

жановского, говорил, что вопрос генетического и телеологического начала в планировании решен пролетарской революцией.¹ Это утверждение верно, поскольку оно касается практической хозяйственной деятельности и государственной практики пролетариата. Но в плановой работе в настоящем генетизм, т.е. стремление заменить план прогнозом, еще очень силен. Ведь доклад тов. Ковалевского был сделан через какой-нибудь месяц после появления цитированной статьи В. А. Базарова, и самый доклад тов. Ковалевского вызвал со стороны В. Г. Громана и А. А. Никитского повторные утверждения о „примате“ генетики, о правильности понимания плановой работы, как работы по выявлению будущего на основе прошлого, и в заключительном слове докладчику пришлось снова парировать эти утверждения.²

Чрезвычайную характерность приобретает это стремление построить картину будущего развития народного хозяйства на основании исчерпывающего знания прошлого, если, принять во внимание, что сами наши генетики всегда подчеркивают скудость нашего знания, вообще, и недостаточность и неудовлетворительность наших статистических материалов, в частности, и данных нашей сельскохозяйственной статистики в особенности.

Насколько велики эти неточности, они, кажется, все-таки отчета ясного себе не отдают. И так как вопрос о служении статистики плановым построениям и о достоверности статистики имеет очень большую важность не только для генетиков, но и для всех, думающих о судьбах народного хозяйства, то приведем несколько данных.

Проф. Дояренко целым рядом опытов на небольших делянках посева старался разными способами составить такой сноп, который, заключая в себе определенную часть всего посева, наилучшим образом представлял бы всю делянку, и обмолот которого, при умножении на соответствующее число, давал бы цифру сбора со всей делянки, наиболее подходящую к фактической, получаемой уборкой и обмолотом хлеба со всей делянки. И такова неравномерность густоты растений и величины колоса, что пробный сноп, при методах выборки и экстраполяции — не хуже тех, которыми оперирует наша сельскохозяйственная статистика, — давал представление о всей делянке с ошибкой до 15—16%, а при наиболее благоприятном методе — с ошибкой около 5%, и такую неточность проф. Дояренко считает приемлемой для научных опытов.³

¹ „... Вопрос о „генетике“ и телеологии октябрьской революцией... давно уже практически разрешен. Пролетариат научился познавать законы причинности и считаться с ними, для того, чтобы использовать их в своих целях, целях построения социализма“. „Плановое Хозяйство“, № 4, 1928 г.

² „Плановое Хозяйство“, № 6 1928 г.

³ Дояренко „Сборник статей“ Т. II. „К методике учета урожайности на опытных участках“.

Это — показатель объективных трудностей сельскохозяйственной статистики.

Но кроме объективных, есть трудности „субъективные“.

В „Ежегоднике ЦСУ“ за 1921 г. в выпуске 1 на стр. 254—255, посвященных птицеводству, читаем, что в Архангельской губернии было гусей 8 штук, уток 64 штуки, кур 28.807 штук. А в выпуске 2 на стр. 233, посвященной заготовкам, значит, что в губернии заготовлено 462.944 кг битой птицы — какие же были куры?

В Иваново-Вознесенской губернии в 1923 г., по данным „Статистического Ежегодника ЦСУ“ за 1922/23 г.,¹ было 1.200 свиней, в том числе: старше 1 года — 100, и старше 4 месяцев — 400, а в 1924 г. „по Статистическому Справочнику ЦСУ“² свиней стало уже 42.300 голов.

Помпадур Сережа Быстрицын, утверждавший, что „мир экономический есть мир чудес“, и поразивший Щедрина темпом роста своего стада ютландских свиней, все-таки не дошел до того, чтобы получить в один год от одной свиноматки потомство в 80 голов.

Здесь чудотворцем был уже не продкомиссар „скептического склада“, а сельхозналог 1923 г., освободивший свиней от обложения. Но в какой мере рост цифры свиней объясняется действительным увеличением их поголовья в силу права „безданно, беспошлинно“ разводить их, в какой чисто-сердечным раскрытием тайны, окутававшей хрюкающие объекты обложения, — этого не скажет теперь не только ни один профессор статистики, но и ни один секретарь сельсовета.

В 1925 г. в Сталинградской губернии в деревне Петропавловской, 2 Донского округа значилось по сельхозналоговым данным 555 га посева. Поля пройдены были инструментальной сьемкой по натуре, и площадь посева оказалась в 1.476 га.³

Тут чудо объясняется тем, что в Сталинградской губернии облагается не вся земля, а только засеваемая.

Но беда, как и видно было по фактам, взятым из практики проф. Дояренко, вовсе не в том только, что „люди хитры“.

В Рязанской губернии одна и та же площадь озимого посева 1925 г. в одном и том же „Статистическом Ежегоднике“ значит в одном месте в 643 тыс. га,⁴ а в другом — в 677 тыс. га.⁵ — здесь крестьянское хозяйство облагается не по засеянной земле, а по всей пахотной: разница в 5 с лишним процентов получалась только потому, что хозяйства, взятые при двух выборочных спросах для

¹ Выпуск 1, стр. 131.

² „Народное Хозяйство Союза ССР в цифрах“, изд. 1925 г., стр. 203.

³ „Хозяйство на новых путях“, Сталинградский журнал, № 11 за 1926 г., ст. Ольховского „Выборочные обмеры посевных площадей“.

⁴ Стр. 291.

⁵ Стр. 315.

представительства за все крестьянство губернии, были не совсем однородными.

Но надо иметь в виду и то, что вопреки, довольно распространенной легенде, крестьяне сами своих земельных площадей часто точно вымерять не умеют и точно не знают.

По Костромской губернии, где сельскохозяйственной статистике уделялось много серьезного внимания, в трех изданиях встречаются за один и тот же 1924 г. цифры сбора ржи — 67,3 тыс. тонн¹ 78,6 тыс. тонн², 86,9 тыс. тонн³, с разницей между низшей и высшей цифрой около 30%, при чем эта разница вытекает, главным образом, из того, что урожайность десятины принималась по разным данным.

Проф. Лосицкий⁴ в своей обработке данных о расходовании продовольственных продуктов сельскохозяйственным населением на одного человека приводит по одной и той же местности три варианта, из которых один получен текущими записями, проводимыми в отдельных хозяйствах, другой — экспедиционными исследованиями крестьянских бюджетов, третий — специальными обследованиями питания, — разница между этими вариантами достигает 20 и больше процентов.

Перечень таких невязок и неточностей можно дополнять очень долго. В масштабе СССР они ведут к огромным общеизвестным просчетам. Никакой закон больших цифр никакие поправки не помогают, когда первоначальный документ неточен, и когда быстро меняющаяся жизнь, — меняющаяся и по условиям производства и по нормам потребления, — не дает возможности установить к неточностям этого первоначального документа мало-мальски надежных поправочных показателей.

Выбор исходных цифр для последующих экстраполяций весьма широкий. И возможности разнообразить коэффициенты, беря по годам то одни цифры, то другие, — тоже большие.

Любезное сердцу наших генетиков составление ретроспективных сельскохозяйственных балансов, опирающихся на соображения, примерно, такого порядка, что судя по данным текущей статистики в такой-то местности должны были иметься излишки хлеба, а в действительности его не хватило ни на еду, ни на семена, или, наоборот, надо бы населению помирать с голоду, а оно не только не померло, но продавало хлеб, да еще курило самогонку, — это составление балансов, открывая широкую почву для различных сопоставлений и догадок, и представляя специфический историко-методологический и исторический интерес, не имеет ни малейшего планового значения.

¹ „Костромская губерния в цифрах“, стр. 61.

² „Прошлое и настоящее Костромского Края“, стр. 176.

³ „Баланс народного хозяйства Костромской губ.“, стр. 95.

⁴ „Нормы потребления хлебных продуктов“. „Статистическое обозрение“, № 8 за 1927 г.

Вопрос не в том, чтобы ретроспективно уточнять все статистические цифры, вопрос в том, чтобы в возможной мере улучшать текущие статистические работы, и в том, чтобы в статистических данных выделить существенные для плана, установить пределы их достоверности и представить их себе в верной связи.

„Правильный, единственно достоверный метод — не тот метод, при котором, за неимением достоверных сведений, пользуются недостоверными, стараясь сделать их более или менее вероятными, но тот метод, при котором твердо и резко разграничивают, что следует считать правильным и что нельзя считать правильным“.¹

Наша статистика никогда этому правилу не следовала, и наши генетики составители планов тоже. Лишает ли нас эта неточность данных, доставляемых нашими статистическими органами, возможности вести плановую работу? Разумеется, нет, — хотя она и осложняет ее.

Но при тщательном подходе к разграничению правильного от неправильного, достоверного от недостоверного, в общей массе наших данных, рисующих состояние и движение сельского хозяйства в отдельных его элементах и сторонах, — а эти данные далеко не исчерпываются сведениями ЦСУ, — можно найти достаточный материал для оценки исходного положения и для наметки заданий на будущее в определенных количественных выражениях.

Ценнейшие количественные данные по сельскому хозяйству можно почерпнуть из военно-конского учета, из налоговых сведений, из землеустроительных актов, из отчетов торговых организаций.

Пятилетний план решительно преодолел тенденции пассивного генетизма. Методология его не рассказана в каком-либо специальном очерке, но она видна из самого его построения. Метод его построения, — единственно правильный метод плановой работы, — заключается в том, что на основе возможно точного изучения современного положения народного хозяйства в его существенных сторонах и элементах и на основе учета достижений современной науки и техники, произведена оценка той обстановки, в которой приходится действовать пролетарской государственности, строящей социализм, и в соответствии с этой оценкой, взвесившей и сопоставившей важнейшие, решающие моменты этой обстановки, — благоприятные и неблагоприятные, — установлены те задачи, которые в социалистическом строительстве можно осуществить в пятилетие, намечены пути разрешения этих задач и исчислены необходимые средства с указанием их источников.

Заключает ли в себе этот метод легкое отношение к исторически сложившимся тенденциям? Конечно, нет. Но он подходит

¹ Этот постулат историка Дельбрюка с сочувствием приводит Ф. Меринг в своих „Очерках по истории войны и военного искусства“ (стр. 58 — 59 русского издания).

к ним и взвешивает их направление и их силу с точки зрения целей, преследуемых носителями плана, и изыскивает способы — ликвидировать или ослабить вредные и усилить полезные для этих целей.

Пятилетний план — это план социалистического наступления. Можно сказать, что он в то же время является методологическим наступлением и методологической победой, которая открывает пути дальнейшего под'ема нашей плановой работы, дальнейшего уточнения и углубления ее методов, дальнейшего укрепления планового начала в нашем народном хозяйстве.

Кооперативный план второго года пятилетки¹

Введение

Начиная с XV с'езда партии, кооперация вступила в новую фазу своего развития, которая характеризуется исключительными темпами роста и особым вниманием к ее задачам и запросам со стороны советской и партийной общественности. В настоящее время кооперация развивается на более высокой реконструктивной основе всего народного хозяйства; на этой основе кооперативный план Ленина получает свое дальнейшее выражение и развитие в ряде ответственных партийных и правительственных постановлений и в мощной тяге широких рабоче-крестьянских масс ко всем формам кооперативной организации.

Что же касается конкретного экономического и статистического выражения плана кооперативной работы на ближайший исторический отрезок, то оно дано в пятилетнем плане народнохозяйственного развития, принятом XVI партийной конференцией и V с'ездом советов. 1929/30 г. является органической частью этого плана, но отнюдь не механическим отрезком, не арифметической пятой частью его. Контрольные цифры 1929/30 г., исходя в основном из установок пятилетнего плана, учитывают уроки первого года пятилетки и вместе с тем специфические особенности, которыми будет характеризоваться второй год пятилетки. То положение, что контрольные цифры являются частью пятилетнего плана, элементарное и неоспоримое для всех других частей народного хозяйства (и, в частности, для такой ведущей отрасли его, как наша государственная промышленность), нуждается в специальном акцентировании для кооперации, так как этот фронт борьбы за социалистическое строительство распылен и разорван по отдельным автономным системам и экономически обобществляется только в больших синтетических плановых работах.

В кооперативных системах наблюдается значительная отсталость плановой работы по сравнению с аналогичными работами в

¹ Статья написана после составления Госпланом СССР контрольных цифр на 1929/30 г. по материалам последнего. При рассмотрении плана правительством отдельные части его, вероятно, будут изменены, что повлечет за собою изменение некоторых цифр, приводимых в настоящей статье.

государственных учреждениях. Во многих случаях плановая работа протекает в кооперации в отрыве от народнохозяйственных задач.

Так, например, Всекопромсовет составил контрольные цифры на 1929/30 г. таким образом, что по его собственному свидетельству они внутренне противоречивы; его контрольные цифры в конкретном выражении представляют собой голые заявки, далекие от задач всего народного хозяйства и от малейшего учета его материальных и организационных ресурсов. Такие явления свидетельствуют, конечно, о чрезвычайно низком уровне плановой работы в данной кооперативной системе.

Несколько лучше обстоит дело в системе сел.-хоз. кооперации, которая от периода составления плана пятилетки до периода работы над планом второго года пятилетки — несколько больше вошла в плановое русло, но и она, к сожалению, в ряде случаев сводила заявки полутора десятков специальных кооперативных объединений и 6 республик без достаточной увязки их между собой и без достаточного экономического обобщения. Можно указать в этом отношении хотя бы на то, что в плане сел.-хоз. кооперации размещение капитального строительства между отдельными специальными системами сел.-хоз. кооперации не было в достаточной степени разграничено, а это могло повести к параллелизму в работе и к непроизводительной затрате народных денег, человеческих сил и стройматериалов.

Даже в такой наиболее организованной системе, как потребительская кооперация, пришлось столкнуться с следующим печальным явлением. Уже после утверждения контрольных цифр на 1928/29 г. Центросоюз и его органы ориентировали свою периферию на сумму паенакопления, вытекающую из его собственных контрольных цифр (153 млн. руб.), а не из народнохозяйственного плана, утвержденного партией и правительством.

Следует между прочим заметить, что такое игнорирование общего плана возможно и в других отраслях народного хозяйства, в связи с чем нужно было бы и в законодательном порядке заставить кооперативные и государственные организации после рассмотрения СНК и СТО контрольных цифр Госплана внести по всей линии сверху донизу те конкретные поправки, которые вытекают из цифровых лимитов и экономических установок, принятых на данный год правительством и партией. Такого порядка работа имеет особо важное значение для оперативной хозяйственной деятельности кооперации. Это поможет выровнять ее работу по проектировкам народнохозяйственного плана, в противовес разнородным, несогласованным и местами резко противоречащим проектировкам отдельных систем.

Кроме того, необходимо принять ряд решительных мер к повышению плановой работы во всех системах кооперации, так как последняя играет столь большую роль в народном хозяйстве, что

всякое внеплановое и антиплановое проявление в ее работе в высшей степени тормозит выполнение народнохозяйственного плана в целом.

Что касается основных экономических установок плана кооперации, то они сформулированы в пятилетнем плане народного хозяйства и сохраняют свою ведущую роль также и для 1929/30 г. Отвлечаясь от тех ведомственных перегородок, которые существуют между кооперативными организациями, следует считать основной задачей кооперации, как части социалистического хозяйства, трансформацию классового общества переходного периода в общество бесклассовое, в общество социалистическое и коммунистическое.

В области хозяйственной деятельности на кооперации лежит тройкого рода задача. Во-первых, кооперирование производства индивидуальных товаропроизводителей бедняцких слоев деревни, кустарей и ремесленников. Во-вторых, — обобществление сферы обмена и распределения для всех классов населения. В-третьих, кооперирование быта и хозяйственной деятельности, связанной с личным потреблением (питание, жилище и т. д.).

Кроме того, наиболее общей для всех систем кооперации задачей остается оптимальное сочетание в практической работе следующих основных задач: 1) „Действительное кооперирование действительных масс“ (Ленин); 2) экономическая эффективность хозяйственных мероприятий кооперации и ее деятельность в противовес деятельности индивидуальных методов хозяйствования; 3) пролетарское руководство и теснейшая связь с пролетарским государством и коммунистической партией в деле социально-технического образования.¹

В наиболее общей, но далеко не исчерпывающей вопрос форме можно считать, что кооперация различается по методам своей работы по двум основным линиям: по линии работ среди индивидуальных товаропроизводителей (среди крестьянства и кустарей) и по линии работ среди пролетариата, труд которого обобществлен на фабриках и заводах. По первой линии протекает работа всей сел.-хоз. системы кооперации, а также кустарно-промышленной кооперации; по второй линии идет работа потребительской и жилищной кооперации.

Это наиболее общее деление все же недостаточно, так как отображая в основном верно социальный профиль кооперативной работы, он вместе с тем не учитывает ряда важных приводящих моментов. Так, например, если сел.-хоз. и кустарно-промышленной кооперации приходится работать в основном среди мелкой буржуазии, являющейся частными собственниками и располагающей собственными орудиями и средствами производства, то этой же

¹ Более подробно об этом см. „Пятилетний план народнохозяйственного строительства“ том II, часть 1 стр. 92—95.